

ГЕНРИХ
МАНН

Г Е Н Р И Х М А Н Н

Сочинения, т. 2

Редактор *В. Смирнов*
Оформление художника *Ю. Красного*
Художественный редактор
Д. Ермоленко
Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректоры *Н. Манушина* и
М. Фридкина

*

Сдано в набор 4/VI 1957 г. Под-
писано к печати 20/IX 1957 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ — 18¹/₄ печ. л.
30,3 усл.-печ. л. 28,19 уч.-изд. л.
Тираж 1-й завод 75 000.
Заказ № 562. Цена 11 р. 50 к.

Гослитиздат, Москва Б-66,
Ново-Басманная, 19.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

СОДЕРЖАНИЕ

УЧИТЕЛЬ ГНУС, ИЛИ КОНЕЦ ОДНОГО ТИРАНА. Перевод Наталии Ман

Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	31
Глава четвертая	41
Глава пятая	59
Глава шестая	67
Глава седьмая	87
Глава восьмая	92
Глава девятая	97
Глава десятая	107
Глава одиннадцатая	120
Глава двенадцатая	136
Глава тринадцатая	150
Глава четырнадцатая	162
Глава пятнадцатая	168
Глава шестнадцатая	175
Глава семнадцатая	181

В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ. Перевод Р. Гальпериной 199

Примечания А. Ибрагимова 577

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ГЕНРИХ МАНН

СОЧИНЕНИЯ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

ГЕНРИХ МАНН

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

УЧИТЕЛЬ ГНУС

В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ

Переводы с немецкого

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1967

*Издание осуществляется
под редакцией*

**Г. Н. ЗНАМЕНСКОЙ, И. В. МИРИМСКОГО и
Т. Л. МОТЫЛЕВОЙ**

**УЧИТЕЛЬ ГНУС,
ИЛИ
КОНЕЦ ОДНОГО ТИРАНА**

*Перевод Наталии М а н
под редакцией Н. Касаткиной*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фамилия его была Нусс, но вся школа называла его Гнусом. Ничего удивительного в этом не было. Прозвища учителей время от времени менялись. Обновленный состав класса кровожадно открывал в учителях комические черты, недостаточно оцененные прошлогодними учениками, и спешил заклеить их метким словечком. Но Гнус назывался Гнусом во многих поколениях; к этому прозвищу привык весь город, коллеги иначе не именовали его вне стен гимназии, и даже в ее стенах, едва только он поворачивался к ним спиной. Учителя, державшие у себя на хлебников-гимназистов и следившие за их домашними занятиями, не стеснялись говорить об учителе Гнусе. Если бы какой-нибудь бойкий малый, внимательно присмотревшись к наставнику шестого класса, вдруг вздумал окрестить его новым именем, из этого бы ровно ничего не вышло хотя бы уже потому, что привычное прозвище и сейчас бесило старого учителя не меньше, чем двадцать шесть лет назад. Достаточно было при его появлении на школьном дворе кому-нибудь крикнуть:

— Да ведь здесь пахнет какой-то гнусью!

Или:

— Ой-ой-ой! Что за гнусная вонь!

Старик тут же вздергивал плечо, всегда правое, которое и без того было выше левого, и бросал из-под очков косой взгляд на крикуна. Гимназисты считали этот взгляд коварным, на деле же он был только грус-

ливым и мстительным — взгляд тирана с нечистой совестью, ищущий кинжал в складках любого плаща. Одеревенелый подбородок Гнуса с жидкой бурой бородачкой начинал ходуном ходить. Не имея возможности «уличить» крикуна, он поневоле пробирался дальше на своих тощих, искривленных ногах, глубже нахлобучив на лоб засаленную фетровую шляпу.

В прошлом году в день Гнусова юбилея гимназисты устроили факельное шествие к его дому. Он вышел на балкон и стал держать речь. И в то время, как все, задрав головы, смотрели на него, вдруг раздался чей-то противный скрипучий голос:

— Какой гнусный воздух!

Другие тотчас же откликнулись:

— Да, пахнет гнусью! Пахнет гнусью!

Учитель там, наверху, хотя предвидевший возможность такого происшествия, стал запинаться и смотреть крикунам прямо в открытые рты. Коллеги его стояли неподалеку; он чувствовал, что опять ему никого «уличить» не удастся, но запомнил все имена. Уже на следующий день учитель заверил юнца со скрипучим голосом, не знавшего, как называется деревня, где родилась Орлеанская дева, что он еще не раз сумеет «подпортить» жизнь такому нерадивому ученику. И правда, этот Кизелак остался на второй год, а заодно с ним и почти все, кто кричал тогда, на юбилее, к примеру фон Эрцум. Ломан, правда, не кричал, но все-таки остался. Один облегчил задачу Гнуса своей ленью, другой — отсутствием способностей. И вот поздней осенью, в одиннадцать часов утра, на перемене, предшествовавшей классному сочинению об Орлеанской деве, фон Эрцум, который и поныне был с нею не в ладах и потому предвидел катастрофу, в приступе мрачного отчаяния распахнул окно и наугад дурным голосом крикнул в туман:

— Гнус!

Он не знал, во дворе ли учитель, да, собственно, этим и не интересовался. Бедняга, недоросль из помещичьих сынков, просто поддался желанию еще хоть на миг дать волю своим легким, прежде чем на два часа усесться перед белым листом бумаги, пустым листом,

который ему предстояло заполнить словами, выжатыми из пустой головы. На беду, Гнус в это время шел по двору. Услышав крик из окна, он подскочил как ужаленный. Сквозь туман ему удалось различить контур коренастой фигуры фон Эрцума. Внизу не было никого из гимназистов, следовательно и возглас ни к кому другому относиться не мог. «На сей раз, — торжествуя, подумал Гнус, — он имел в виду меня и я «поймал его с поличным». В несколько прыжков он взбежал по лестнице, рванул классную дверь, торопливо прошел между скамеек и, вцепившись ногтями в кафедру, взобрался на ее ступеньки. Там он остановился и перевел дыхание. Гимназисты встали, чтобы приветствовать его, и многоголосый шум вдруг переплеснулся в почти оглушающее молчанье. Мальчики смотрели на своего наставника, как на опасное разъяренное животное, которое они, к несчастью, не вправе прикончить и на чьей стороне в данный момент имеется перевес. Грудь учителя бурно вздымалась; наконец он проговорил сдавленным голосом:

— Мне вслед опять выкрикнули некое слово, прозвище, суммируя — кличку, которую я впредь сносить не намерен. Я не потерплю такого издевательства со стороны людей, подобных вам, а вас я уже узнал, извольте это запомнить! Я буду ловить вас с поличным, где только смогу. Не говоря уже о том, что ваша испорченность, фон Эрцум, внушает мне брезгливое чувство, она теперь разобьется вдребезги о непреклонность принятого мною решения, извольте запомнить! Я сегодня же доложу господину директору о вашем поступке и сделаю все от меня зависящее, чтобы — ясно как божий день — в стенах нашей гимназии больше не находились столь презренные подонки человеческого общества.

С этими словами он сбросил с себя шинель и прощел:

— Сесть!

Весь класс сел, только фон Эрцум продолжал стоять. Его толстое веснушчатое лицо было таким же огненно-красным, как и щетина на его голове. Он хотел что-то сказать, открывал рот, но язык ему не повиновался. Наконец он выпалил:

— Это не я, господин учитель!

Несколько голосов дружно и самоотверженно поддерживали его:

— Это не он!

Гнус затопал ногами:

— Молчать!.. А вы, молодой человек — извольте принять к сведению, — не первый носитель имени фон Эрцум, которому я испортил карьеру; будьте уверены, что в дальнейшем я сумею если не окончательно сорвать ваши планы, то во всяком случае изрядно затруднить вам осуществление таковых. Вы, кажется, хотите стать офицером, фон Эрцум? Ваш дядюшка тоже этого хотел. Но поскольку он никак не мог дойти до конца соответствующего класса и ему всякий раз отказывали — прошу заметить — в аттестате зрелости, необходимом для поступления в вольноопределяющиеся, то он поступил в подготовительную школу, где тоже не справился с учением, и лишь благодаря особой милости государя ему открылась, наконец, военная карьера, которую он, впрочем, вскоре вынужден был прервать. Пойдем дальше! Судьба вашего дяди, фон Эрцум, станет и вашей судьбой, во всяком случае будет сходствовать с нею. Желаю вам успеха на этом поприще, фон Эрцум. Мое суждение о вашей семье остается неизменным уже в продолжение пятнадцати лет... А теперь... — Голос Гнуса сделался замогильным. — Вы недостойны своим бездушным пером марать возвышенный облик девицы, к воссозданию которого мы сейчас приступим. Марш отсюда — в каталажку!

Тугодум фон Эрцум продолжал слушать. От чрезмерного внимания он бессознательно повторял движение челюстей учителя. Когда Гнус говорил, его нижняя челюсть, в которой торчало несколько желтых зубов, точно на шарнирах, двигалась между одеревенелыми складками, залегшими около рта, так что слюна брызгала на передние парты. Он заорал:

— Да как вы смеете, мальчишка!.. Вон, говорят вам, в каталажку!

Фон Эрцум встрепенулся и стал выбираться из-за парты. Кизелак прошептал ему вслед:

— Да защищайся же, дружище!

Ломан, сидевший сзади, приглушенным голосом пообещал:

— Погоди, мы его еще укротим.

Осужденный прошмыгнул мимо кафедры в тесное и темное — хоть глаз выколи — помещение, служившее классной раздевальной. У Гнуса вырвался стон облегчения, когда широкая фигура фон Эрцума исчезла за дверью.

— Теперь нам нужно наверстать время, похищенное у нас этим мальчишкой. Вот вам тема, Ангст, напишите ее на доске.

Первый ученик близорукими глазами вгляделся в записку и принялся неторопливо писать. Все напряженно следили за буквами, которые выводил мелок и от которых столь многое зависело. Если это окажется сцена, которую тот или иной ученик случайно не «вызубрил», тогда он «пропал», «завалился». И еще до того, как слог на доске приобрели смысл, все из суеверия бормотали:

— Господи, я завалился!

Наконец на доске уже можно было прочесть:

«Иоанна: Ты произнес пред богом три молитвы...»

(Орлеанская дева, действие первое, явление десятое.)

Тема: третья молитва короля».

Прочитав эти слова, все переглянулись. «Завалились» все. Гнус всех «сцапал». Криво усмехнувшись, он уселся в кресло на кафедре и начал листать свою записную книжку.

— Итак? — не подымая глаз, вопросительно произнес он, словно всем все было ясно. — Что вам еще угодно узнать?.. Начали!

Многие мальчишки ссутулились над тетрадами, притворяясь, что уже пишут. Другие невидящим взглядом смотрели в пространство.

— В вашем распоряжении имеется еще час с четвертью, — безразличным тоном, но внутренне ликуя, объявил Гнус. Такой темы для сочинений не изобретал еще никто из возмутительно бессовестных учителей, знавших о печатных шпаргалках, которые давали маль-

чишкам возможность без труда проанализировать любую сцену из классического произведения.

Кое-кто помнил десятое явление первого действия и с грехом пополам знал первые две молитвы Карла. О третьей ни один человек в классе понятия не имел. А первый ученик и еще двое или трое, в том числе Ломан, готовы были поклясться, что отродясь ее не читали. Ведь король просил пророчицу повторить только две из его молитв; для него этого было достаточно, чтобы поверить в ее божественное предназначение. Третьей там, хоть убей, не было. Наверно, ее надо искать в другом месте, а может быть, она сама собой явствуется из хода событий или же сбывается без того, чтобы кто-нибудь догадался, что это сбылась молитва. Верно, они проглядели в драме какое-то место, это допускал даже первый ученик Ангст. Но так или иначе, а чего-нибудь наговорить об этой третьей молитве надо; даже о четвертой и пятой, если бы Гнус этого потребовал. Писать о вещах, в реальность которых никто ни на грош не верил — о верности долгу, о благотворном влиянии школы, о любви к военной службе, — то есть покрывать буквами положенное число страниц, их, слава тебе господи, приучали годами на уроках немецкого языка. Тема ни в малейшей степени их не интересовала, но они писали. Произведение, из которого она была почерпнута, уже месяцами служившее одной только цели — «завалить» их, давно им осточертело, но они писали.

«Орлеанской девой» класс занимался с пасхи, то есть уже три четверти года. А второгодники и подавно знали ее вдоль и поперек. Ее читали с начала и с конца, заучивали наизусть целые сцены, давали к ней исторические пояснения, на примерах из нее изучали поэтику и грамматику, перекладывали стихи в прозу и обратно, прозу в стихи. Для всех, при первом чтении ощутивших сверкающую прелесть ее стихов, они давно поблекли. Мелодия стала неразличима в звуках разбитой шарманки, изо дня в день скрипевшей одно и то же. Ни до кого уже не доносился чистый девичий голос, в котором вдруг начинает звучать суровый звон мечей, слышится биение сердца, больше не прикрытого панцирем, и шелест ан-

гельских крыльев, распростертых светло и грозно. Юношам, которых со временем повергла бы в трепет почти сверхчеловеческая непорочность этой пастушки, тем, что полюбили бы в ней торжество слабости, плакали бы над душевным величием бедняжки, оставленной небесами и превратившейся в робкую, беспомощно влюбленную девочку, уже не доведется так скоро это пережить. Пройдет лет двадцать, прежде чем Иоанна перестанет быть для них докучливой педанткой.

Перья скрипели. Учитель Гнус, теперь уже ничем не занятый, смотрел куда-то вдаль поверх склоненных голов. День выдался удачный, ибо одного ему все-таки посчастливилось «сцапать», и вдобавок одного из тех, что называли его «этим именем». Теперь можно надеяться, что и весь год будет хорошим. В продолжение двух последних лет ему ни разу не удалось «сцапать» ни одного из этих коварных крикунов. Плохие это были годы. Хорошими или плохими годы считались в зависимости от того, удавалось ему кого-нибудь «поймать с поличным» или не удавалось «за отсутствием доказательств».

Гнус, знавший, что ученики его обманывают и ненавидят, и сам считал их заклятыми врагами, с которыми надо построже «расправляться» и не давать им дойти до конца класса. Проведя всю жизнь в школах, он не умел смотреть на мальчиков и их дела взглядом взрослого, житейски опытного человека. У него отсутствовала перспектива, и сам он был точно школьник, внезапно облеченный властью и возведенный на кафедру. Он говорил и думал на их языке, употреблял выражения, заимствованные из жаргона школяров, и раздельно называл «каталажкой». Начинал он урок в том стиле, к которому прибег бы любой школьник, оказавшись он на его месте, а именно латинизированными периодами, попеременно с бесконечными «право же, конечно», «итак, следовательно» и прочими ничего не значащими словечками. Эта привычка выработалась у него благодаря изучению Гомера с восьмиклассниками, когда каждое словцо обязательно подлежало переводу, как

бы тяжеловесно и нелепо оно ни звучало на другом языке. С годами тело Гнуса окостенело, утратило подвижность, и такой же неподвижности он стал требовать от школьников. Он забыл, а может быть, никогда и не знал о потребности молодого организма — все равно, будь то мальчик или щенок, — бегать, шуметь, награждать кого попало тумаками, причинять боль, изобретать шалости, словом — самыми нелепыми способами освобождаться от излишка сил и задора. Он наказывал их, не думая, как думает взрослый человек: «Вы, конечно, озорники, так вам и положено, но я-то обязан поддерживать дисциплину», — а злобно, со стиснутыми зубами. Гимназию и все в ней происходящее он принимал всерьез, как самое жизнь. Ленъ приравнивалась к испорченности и тунеядству, невнимательность и смешливость — к крамоле, стрельба горохом из пугача была призывом к революции, «попытка ввести в заблуждение» считалась бесчестным поступком и несмываемым пятном позора. В таких случаях Гнус становился бледен как полотно. Когда ему случалось отправить одного из мальчиков в «каталажку», он чувствовал себя самодержцем, сославшим в каторжные работы кучку мятежников, — то есть ощущал всю полноту власти и одновременно содрогался при мысли о том, что подкапываются под его престол. Побывавшим в каталажке, да и всем, кто когда-либо задел его, Гнус этого не прощал. А так как он уже четверть века подвизался в местной гимназии, то город и вся округа были полны учеников, либо «пойманных с поличным», либо «не пойманных», и все они называли его «этим именем». Для него школа не заканчивалась дворовой оградой; она распространялась на все дома в городе и в пригороде, на жителей всех возрастов. Повсюду засели строптивые, отпетые мальцы, не выполняющие домашних заданий и ненавидящие учителя. Новичок, не раз слышавший, как его старшие родичи с добродушной усмешкой вспоминают о досаждавшем им в далекой юности учителе Гнусе, попав после пасхальных каникул в его класс, при первом же неправильном ответе слышал злобное шипенье: